

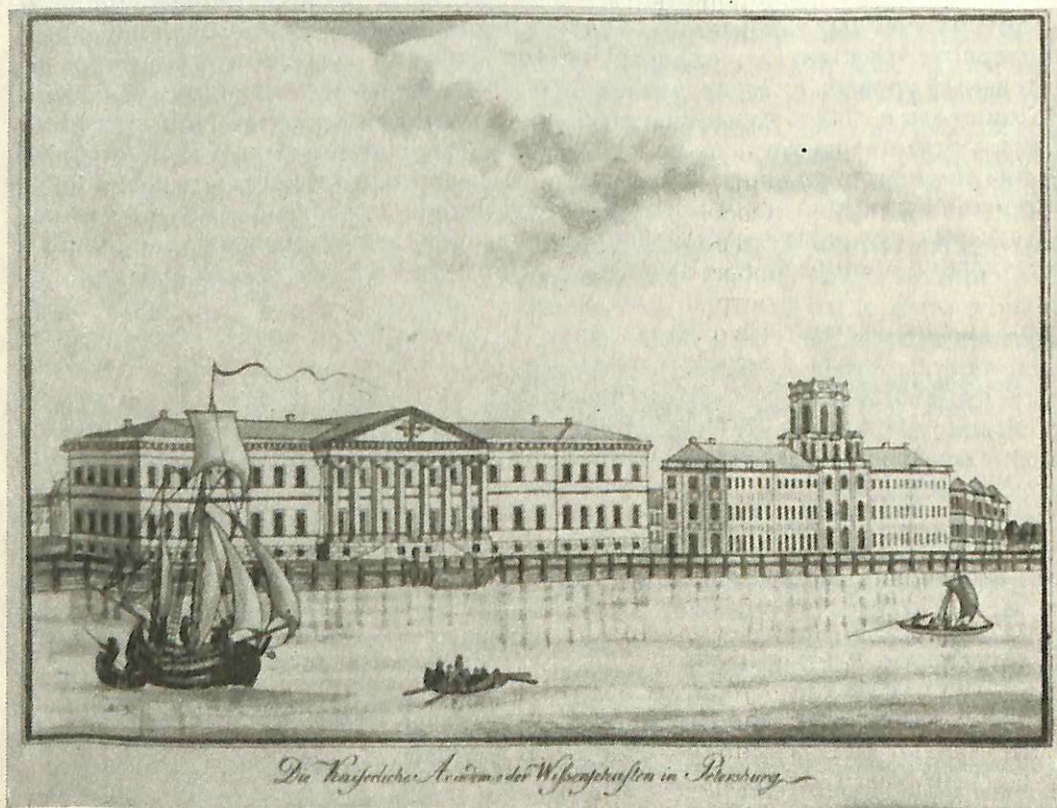
Г. И. СМАГИНА

**ПУБЛИЧНЫЕ ЛЕКЦИИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.**

Санкт-Петербургская академия наук с первых лет существования являлась не только центром развития науки, но и центром просвещения, была источником распространения научных знаний, образования, способствовала формированию в России «необходимой культурной среды». Эти задачи определили содержание и разнообразные формы ее просветительской деятельности.

В рамках данной статьи речь пойдет об одной из интереснейших и живых форм распространения научных знаний — о публичных лекциях Санкт-Петербургской академии наук.

На протяжении XVIII в. понятие «публичные лекции» было не однозначным. В первой половине века и в ломоносовское время публичными назывались университетские лекции, которые были доступны не только для студентов, но и для всех желающих посетить их. Академики обращались к различным ведомствам с приглашением присылать «всех любителей добрых наук, а наипаче рачителей к учению». Первые лекции читались на латыни, что делало их доступными лишь для ограниченного состава слушателей.

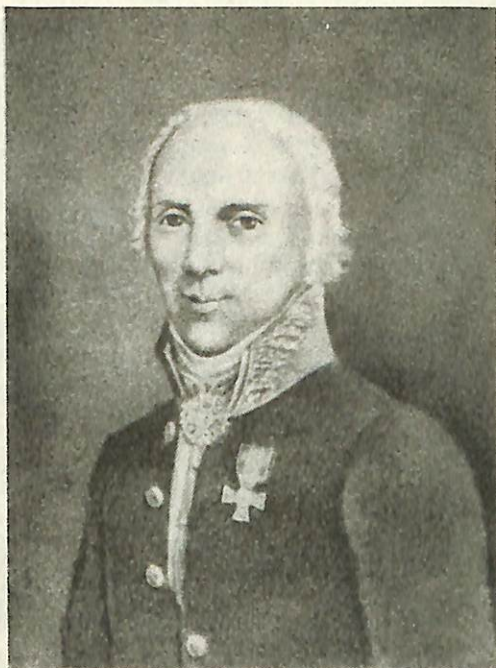
Петербургская академия наук и Кунсткамера

Первым начал читать лекции на русском языке М. В. Ломоносов. Это знаменательное событие произошло 20 июня 1746 г. в Физическом кабинете Академии наук, где была прочитана первая лекция по экспериментальной физике [1, с. 104]. Извещения о предстоящей лекции, посланные заранее в Сенат, Синод, Канцелярию главной артиллерии и фортификации, Канцелярию Шляхетского Кадетского корпуса и Медицинскую канцелярию, собрали значительную аудиторию слушателей. В «Санктпетербургских ведомостях» 24 июня 1746 г. сообщалось, что «сверх многочисленного собрания воинских и гражданских разных чинов слушателей» присутствовал сам президент Академии, некоторые «придворные кавалеры» и другие «знатные персоны».

По регламенту и штату Академии наук 1747 г., помимо содержащихся на государственном коште 30 студентов и 20 гимназистов, посещать лекции разрешалось всем желающим: «вольных людей принимать свыше сего позволяется, сколько случатся, и за науку ни от кого как Академии, так профессорам и учителям от учеников ничего не требовать» [2, с. 50]. В регламенте особо оговаривалась возможность посещения академических лекций воспитанниками кадетского корпуса: «из кадетского корпуса тех, кто желает штатских наук обучаться, на такие лекции в Университет отсылать, которых у них не учат, дабы профессеры никогда не были праздно и тем не отговаривались, что у них нет учеников» [2, с. 50].

В 70-х гг. XVIII в. значение понятия «публичные лекции» несколько изменилось: теперь такие лекции проводились прежде всего именно для «публики», для жителей Петербурга, — среди которых, впрочем, могли быть и воспитанники Академии. Они приобрели особое значение в связи с закрытием Академического университета после смерти М. В. Ломоносова.

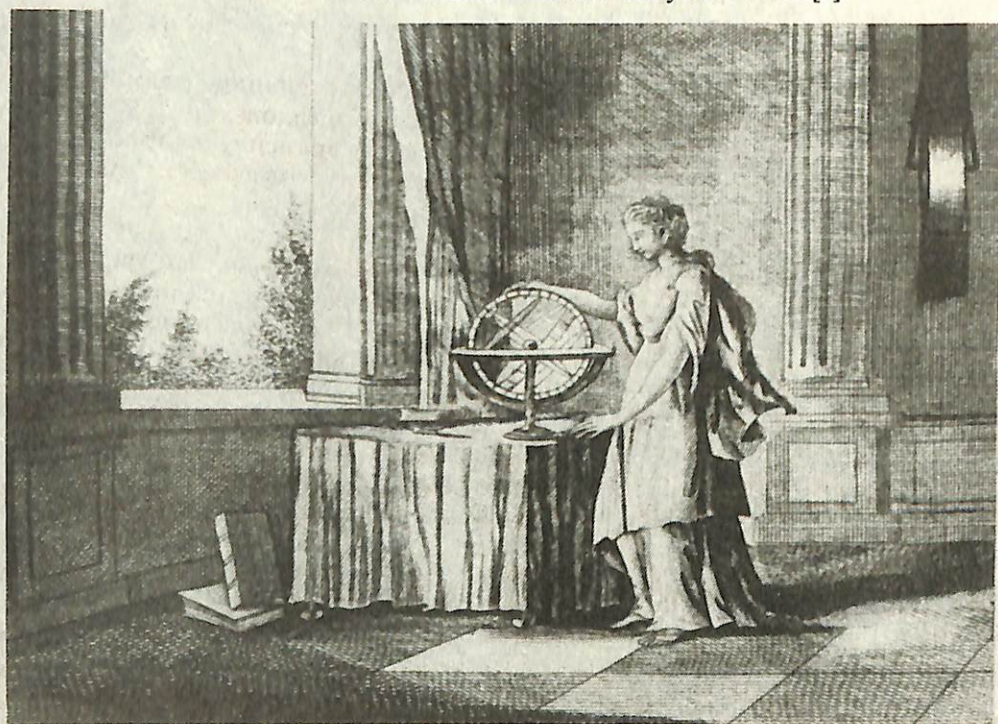
11 декабря 1775 г. Комиссия, управляющая делами Академии, приняла решение открыть публичные лекции [3, л. 302]. «Императорская академия наук, желая споспешествовать во всем том, что может служить к приобретению успехов в науках и к распространению полезных и нужных знаний в обществе, — объявлялось в „Санктпетербургских ведомостях“ 8 января 1776 г., — приняла намерение преподавать на сей конец всенародно физические и математические лекции». Математические лекции на русском языке должен был читать адъюнкт по астрономии, впоследствии академик П. Б. Иноходцев (1742—1806), недавно вернувшийся из большой астрономической экспедиции. Лекции начались 20 января и должны были проходить дважды в неделю, по средам и субботам с 10 до 12 часов. Первоначально Иноходцев предполагал взять за основу учебник Л. Эйлера «Универсальная арифметика», который он перевел с немецкого (СПб., 1768—1769). Но, видимо, свою роль сыграла традиция, и вслед за акаде-

Академик П. Б. Иноходцев. Рисунок А. Калашикова, литография М. Мошарского (1830-е гг.)

миком С. К. Котельниковым, который многие годы учил математике в Академическом университете по переведенной им книге Х. Вольфа «Сокращение первых оснований мафиматики» (СПб., 1770—1771), Иноходцев тоже остановился на ней.

Физические лекции должны были начаться с 23 февраля 1776 г. курсом экспериментальной физики, читаемой по вторникам и четвергам с 15 до 17 часов. Академик Л. Ю. Крафт (1743—1814), которому поручались эти лекции, объявил: «Поелику намерение Академии к тому клонится, чтобы к слушанию физических лекций, кроме гимназистов, пригласить еще публично в „Ведомостях“ и других любителей, то соглашаюсь я на предложение преподавать лекции в академической аудитории... и начну читать оныя вскоре по объявлению публике. Язык же, на котором сии лекции читать надобно, лучше кажется избрать, который большей части слушателей будет известнее, что же до книг касается, то я в первых месяцах в них нужды не имею, ибо намерен письменно преподавать лекции» [4, л. 11]. На занятия приглашались «все желающие оные слушать», о чем сообщалось в «Санктпетербургских ведомостях» и в специально отпечатанных объявлениях, которые были расклеены по городу; особо известили Сухопутный и Морской кадетские корпуса. Сначала чтения предполагалось устраивать на квартире Крафта, «где потребные инструменты находятся»: лекции должны были обязательно сопровождаться опытами. Но поскольку на лекциях намеревались присутствовать и академические гимназисты, то, «чтобы они в хождении взад и вперед не теряли напрасно времени», было определено перенести занятия в классы академической гимназии, что и было сделано. Из-за трудностей, с которыми приходилось сталкиваться, добираясь до Васильевского острова, где читались лекции, и «худого состояния Невы реки» начало занятий неоднократно переносилось, и первая лекция состоялась только 19 августа 1776 г. [5].

Испытание природы. Гравюра XVIII в.

В 1777 г. академические лекции были продолжены, причем Крафт развернул бурную деятельность по приобретению большого количества новейших физических приборов, что позволило, как сообщалось в «Ведомостях», «ради лучшего же благоугождения любопытным, дозволить всем по окончании урока самим повторять деланные опыты» [6]. Видимо, для удобства публики Крафт по четвергам читал на французском языке, а по вторникам те же лекции — на немецком. На занятия было разрешено ходить всем пяти старшим гимназистам: Федору Галченко, Ивану Леману, Михаилу Ковалеву, Михаилу Поморскому и Александру Андрееву [4, л. 1 об.].

Об этих лекциях до нас дошли любопытные свидетельства современников: И. Бернулли, немецкого астронома, члена Берлинской академии наук, который, путешествуя по России, посетил Петербургскую академию наук, и Г.-Л.-У. Бакмейстера, инспектора академической гимназии, издателя «*Russische Bibliothek*». Оба они отмечали, что вход на лекции, читаемые Иноходцевым и Крафтом два раза в неделю, был свободен для всех, и право посещения академической аудитории не было сопряжено ни с какими формальностями [7, с. 33—34; 8, с. 153—154]. Бакмейстер в своем научном журнале «*Russische Bibliothek*», в котором разбирались почти все выходившие сочинения и помещались самые разнообразные сведения о научной и культурной жизни России, писал, что лекции Крафта по физике, сопровождаемые опытами, привлекали особенно много слушателей, в числе которых было немало сановников и даже дам. Но, к сожалению, чтение этих лекций продолжалось недолго, всего два сезона; в последующие восемь лет лекции не читались. И лишь в период правления Академией княгини Е. Р. Дашковой академические лекции были возобновлены на более прочной основе, и в течение 18 лет петербургское общество имело возможность регулярно пользоваться «публичными наставлениями» академиков по различным отраслям знаний.

Русские ученые всегда считали пропаганду научных знаний и просвещение народа своей прямой обязанностью, долгом. Поэтому предложение Е. Р. Дашковой, последовавшее 3 июля 1783 г., — использовать часть времени, которое у них остается от научной деятельности, на чтение публичных курсов лекций, — было встречено в Академии с большим пониманием [9, с. 681].

8 апреля 1784 г. княгиня представила Екатерине II доклад, в котором говорилось: «... чтение лекций на российском языке не только для студентов и гимназических учеников, но и для всех посторонних слушателей кажется мне тем паче полезным, что науки перенесутся на наш язык, и просвещение распространится» [10, л. 215—215 об.]. Указом от 20 апреля 1784 г. императрица одобрила представление Дашковой [11, л. 11—11 об.], и из экономических сумм Академии в банк был передан капитал в 30 тыс. руб., с тем чтобы из процентной прибыли, а это составляло 1.500 руб., производить ежегодную выплату четырем русским профессорам за чтение лекций, т. е. по 375 руб. каждому «сверх настоящего их жалования» [10, л. 215 об.]. «Публичные наставления» были открыты в 1785 г. и проходили до 1802 г. Г. Д. Комков и др. в книге «Академия наук СССР» называют датой последней лекции 1798 г. [12, с. 85], но имеются материалы о лекциях и в последующие годы. Академические лекции читались только на русском языке, в летнее время — с мая по сентябрь — по 2 часа два раза в неделю и охватывали широкий круг предметов. Начались занятия лекциями по математике и химии, в 1786 г. добавилась естественная история, в 1793 г. — физика, а в 1794 г. вместо химии преподавали минералогию, а в последующие годы их читали параллельно. Лекторами выступали почти все русские академики и адъюнкты: С. Е. Гурьев, Я. Д. Захаров, С. К. Котельников, Н. Я. Озерецковский, В. М. Севергин, Н. П. Соколов. О лекциях зара-

нее сообщалось в «Санктпетербургских ведомостях» с указанием, когда и где будут проводиться чтения; специально отпечатанные объявления рассылались во все учебные заведения Петербурга и расклеивались на улицах города.

Силуэт С. К. Котельникова

Математические «наставления» в течение 12 лет (1785—1796) читал академик С. К. Котельников (1723—1806), в прошлом преподаватель Академического университета. Это требовало немалых усилий: ему уже было 62 года, и академик часто бывал нездоров. «... Однако рассуждая, что в математической части наук русского другого нету, то я принимаю на себя ту часть, или части из частей математики, которые положить за благо нужно будет» [13, с. 46]. О программе лекций можно судить по рапорту Котельникова от 24 сентября 1793 г. «Сперва начал я с арифметики и преподавал оную совокупно с алгеброю, изъясняя доказанные правила примерами и прикладом в задачах. После арифметики геометрию, последуя евклидовым элементам*, выпустя некоторые не нужные или редко употребительные предложения, не упуская из виду алгебры, как необходимо нужной части по нынешнему состоянию математических наук. Потом проходим три-

гонометрию... аналитическим порядком, дабы показать первый приступ к выкладкам трансцендентных количеств зависящих от циркуля. После тригонометрии показал первые основания дифференциального и интегрального исчисления, изъясняя правила примерами и прикладом в легоньких задачах, показав первый приступ к понятию учения о кривых линиях и на сем кончил мои лекции» [14, л. 2—2 об.].

В 1794 г. Котельников, помимо арифметики, геометрии, алгебры, несколько лекций посвятил механике. В 1797 г. при учреждении в России цензуры он был назначен цензором и выбыл из Академии наук.

Продолжить математические лекции был приглашен преподаватель навигации, артиллерии и математики в Артиллерийском инженерном кадетском корпусе, незадолго до этого избранный адъюнктом С. Е. Гурьев (1764—1813). Он не был воспитанником Академии, как большинство ее членов, а пришел в нее уже сложившимся ученым с широкими математическими интересами, которые сформировались под непосредственным влиянием научных идей Л. Эйлера. Программа лекций, читаемых Гурьевым с 1797 по 1800 гг., была весьма близка системе Котельникова. Гурьев читал геометрию, алгебру, тригонометрию, учение о кривых линиях и первые элементы дифференциального исчисления [15, с. 571]. Одновременно он преподавал в Школе корабельной архитектуры и в Артиллерийском кадетском корпусе, но лекциям в Академии отдавал предпочтение. Теснейшим образом с лекциями связаны учебные руководства, составленные и переведенные Гурьевым в эти годы. В 1798 г. он опубликовал «Опыт о усовершенствовании элементов геометрии», по этой книге он читал лекции по геометрии;

* В это время С. К. Котельников занимался переводом на русский язык «Начал» Евклида. Он считал, что переводы лучших книг древних ученых полезнее для распространения знаний, чем сочинение новых.

тригонометрию преподавал по учебнику «Сферическая тригонометрия» [16, с. 423—512]. Выполнив перевод с французского книги Ж. А. Ж. Кузена «Дифференциальное и интегральное исчисление» (СПб., 1801), в 1800 г. Гурьев посвятил этой теме значительную часть лекций.

Одновременно с лекциями по математике начался курс по химии. Публичные лекции по химии в течение 8 лет (1785—1792) читал адъюнкт, впоследствии академик Н. П. Соколов (1748—1795). В апреле 1785 г. он представил на утверждение Конференции Академии наук разработанный им план лекций. В своей записке о содержании и характере публичного курса лекций по химии, в основу которого он намеревался положить «изложение по химическим операциям», Соколов писал, что «это позволит теории с практикой всегда общими и равными шествовать стопами, и слушатели, видя каждый почти день разные новые опыты, тем большую получают охоту и просвещение» [17, л. 6—6 об.].

Немалый интерес имеет вступительная лекция «Речь о пользе химии», прочитанная Соколовым 30 мая 1786 г. и опубликованная в академическом научно-популярном журнале «Новые ежемесячные сочинения» [18, с. 56—59]. Лекция Соколова была выдержана в лучших ломоносовских традициях и соответствовала духу времени. В ней автор подробно показывает ее связь с математикой, физикой, естественной историей, медициной, металлургией и минералогией.

Соколов был прекрасным лектором, он преподавал химию, как отмечала княгиня Дашкова, «с особливою похвалою и славою» [13, с. 344]. Его лекции пользовались большой популярностью, и Соколов неоднократно обращался в Канцелярию Академии с просьбой об увеличении числа стульев для слушателей [19, л. 77—78]. Соколов проводил занятия в Химической лаборатории М. В. Ломоносова. Старая лаборатория, основанная в 1748 г., совершенно не отвечала новым требованиям, поэтому ученый должен был заняться ее преобразованием и ремонтом. Но это лишь ненадолго улучшило положение, и уже в мае 1791 г. он был вынужден читать лекции у себя дома, а в сентябре обратился с предложением о постройке новой лаборатории, так как, писал он, «старая очень тесна и так холодна и сыра, что химические препараты постоянно замерзают» [20, с. 197]. Но просьба эта не встретила понимания. В 1792 г., едва закончив чтение лекций, Соколов подал прошение об увольнении из Академии. Химическая лаборатория и право читать лекции по химии были переданы адъюнкту, впоследствии академику Я. Д. Захарову (1765—1836).

С 1793 г. лекции по экспериментальной химии два раза в неделю — по вторникам и пятницам стал читать Захаров. Следующий 1794 г. не принес ничего нового в деле строительства новой химической лаборатории, и при обсуждении 24 апреля 1794 г. программы публичных лекций было решено: «так как новая химическая лаборатория еще не закончена, а старая уже не существует более... Захарову прочесть этим летом курс минералогии» [15, с. 374—375]. В 1795 г. курс публичных лекций «по опытной химии по умозрению Лавуазье» Захаров провел в совершенно не приспособленной для этого аудитории в новом здании Академии наук. В 1796—1797 гг. он не читал лекций — не было подходящего помещения. В начале 1798 г. Захаров был избран академиком, что, видимо, прибавило ему сил и желания трудиться, и с 1798 г. по 1802 г. его имя постоянно встречается в объявлениях о лекциях.

Обычно Захаров начинал «публичные наставления» с краткого изложения истории химии, объяснял ее практический характер и связь с другими науками и «художествами». Основное внимание он уделял пропаганде и разъяснению кислородной теории французского химика А. Л. Лавуазье и демонстрировал опыты, подтверждающие его убеждения [21]. Если слушатели были не очень подготовлены, то особо растолковывал законы физики, а потом показывал, как они применяются в

химии. Здесь важно отметить одну характерную черту химии XVIII в. — тесную связь с другими естественными науками, и прежде всего с физикой. Можно с уверенностью сказать, что именно поэтому последние три года свои лекции Захаров читал в Физическом кабинете Академии наук, где была к тому же сосредоточена вся новая аппаратура, приобретенная для научных целей.

Отдельные циклы лекций были посвящены изучению солей, металлов, снадобьям — как указывалось в объявлении, «будем говорить о простых телах, и о их между собою соединении и добывании других тел». Один год обучения был полностью отдан ознакомлению со свойствами кислот. Захаров очень старался, чтобы его лекции были интересными, полезными и наглядными. В отчете в Академию наук о лекциях в 1793 г. он писал: «Все мои предложения и все химические операции старался я утверждать опытами, сколько назначенное... время и припасы позволить мне могли» [14, л. 4 об.].

Академик Н. Я. Озерецковский

Лекции по естественной истории в течение 17 лет (1786—1802) читал академик Н. Я. Озерецковский (1750—1827). Содержание и форму изложения он определил так: «объяснял я моим слушателям общие свойства земледельных животных и рыб и показывал на рисунках внешнее и внутреннее их строение, а в Кунсткамере представлял слушателям самих оных животных, как сухих, так и в спирте хранящихся, держась Линнеевой системы и приводя важнейшие о каждой вещи достопамятности» [14, л. 1—1 об.]. В помощь слушателям Озерецковский опубликовал в научно-популярных изданиях Академии наук более двадцати статей о жизни зверей и птиц.

Когда к Озерецковскому обратились с просьбой прочитать лекции по ботанике, он отказался, мотивируя это тем, что еще не разработана научная терминология по бо-

танике на русском языке. Такие лекции стали возможны после перевода известного труда К. Линнея «Философия ботаники» (СПб., 1800), выполненного адъюнктом Т. А. Смеловским (1769—1815), и написания им же «Критического рассмотрения Линнеевой системы по царству растений» (СПб., 1808). В 1802 г. Смеловский впервые прочитал курс лекций по ботанике на русском языке [15, с. 1001].

Публичные лекции по физике начались лишь в 1793 г., после возвращения из Геттингенского университета А. К. Кононова (1766—1795). До возвращения его в Петербург лекции по физике на русском языке читать было некому. Так как физические лекции пользовались особым вниманием публики, адъюнкт Кононов очень подробно сообщал программу их в «Санктпетербургских ведомостях»: «учение о всеобщих свойствах тел; учение о воздухе; учение об электрической силе; учение о магнитной силе, а если дозволит время, то также учение о воде и огне» [21]. Молодой ученый читал лекции в 1793—1795 гг., в своем рапорте Е. Р. Дашковой он писал: «во все сие время занимался я изъяснением тех наипаче частей физики, о которых уверен, что познание их доставляет нам наибольшую как нравственную, так и физическую в общественной жизни пользу» [14, л. 3]. Кононов на лекциях показывал опыты, используя приборы Физического кабинета, поскольку

«через сие всяк слушатель, во-первых, об истинном положении совершенно удостоверится, во-вторых, получает об оных (опытах — Г. С.) яснейшее понятие, и в-третьих, тем тверже оныя запамätывает». Лекции Кононова собирали так много слушателей, «что в пространной аудитории,... где я лекции мои преподавал, едва умещаться могли». Но, к сожалению, едва успев закончить в конце сентября 1795 г. лекции, 9 октября в возрасте 29 лет Кононов скончался.

В 1796 г. физику преподавал адъюнкт С. Е. Гурьев — «именно ту часть физики, которая содержит в себе всеобщие свойства тел, причину движения и равновесия, механику, гидродинамику и пр.» [22]. В последующий год физических лекций не было, а с 1798 по 1801 гг. Гурьев, соединив две дисциплины, стал читать физико-математические лекции, исполняя это поручение «весьма похвально», за что, как он сам писал, «неоднократно из уст самого г-на директора слушал благоволение» [23, с. 9].

17 мая 1801 г., перед началом очередного цикла лекций, три академика — Н. Я. Озерецковский, Я. Д. Захаров и С. Е. Гурьев — обратились к президенту Академии барону А. Л. Николаи с просьбой выдать им вознаграждение за чтение лекций, которого они не получали уже в течение шести лет [15, с. 900]. Президент обещал разобраться осенью, после окончания занятий. 30 сентября на заседании Конференции Академии наук было объявлено о выплате каждому академику по 300 руб., — и это вместо 375 руб. в год, положенных по первоначальному замыслу княгини Дашковой, не говоря о суммах, причитающихся за лекции, прочитанные в прошлые годы. Академик Гурьев счел себя очень обиженным и объявил, что «публичные курсы более читать не будет». Захарова и Озерецковского это обстоятельство не смутило, и они продолжали чтение бесплатно.

Большое впечатление на слушателей производили лекции по минералогии, читаемые академиком В. М. Севергиным (1765—1826). В 1792 г., обращаясь в своей первой лекции «О пользе минералогии» к аудитории, он призывал молодежь не только изучать минералогию вообще, но «научиться познавать российские минералы, российские способы их добытия и обрабатывания, кои все во многом разнятся от иностранных» [24, с. 13]. В своих выступлениях, которые стали регулярными в 1796—1802 гг., Севергин подробно останавливался на определении минералогии и ее разделов, освещал основы науки и ее задачи, приводил конкретный материал по свойствам, применению, методам добычи и переработки минералов и руд. Особое внимание он уделял истории минералогии и горного дела.

Свои публичные курсы Севергин тщательно готовил, что позволило ему параллельно с чтением лекций опубликовать их сначала в журнале «Новые ежемесячные сочинения» за 1792—1793 г., а в дальнейшем на основе выступлений составить учебное пособие «Первые основания минералогии», вышедшее в двух книгах в 1798 г.

Академик В. М. Севергин

Лекции принесли ему заслуженный успех, и Дашкова отмечала, что Севергин «доказал знания свои в сей науке — так что вся публика, которая пользовалась его наставлениями, отдает справедливость в его знаниях, к чести Академии служащих» [25, с. 45].

Жители столицы с интересом относились к академическим лекциям и охотно их посещали, особенно в начале сезона. Об этом читаем в рапорте Котельникова за 1793 г.: «Сперва было довольно слушателей, полны лавки, но как обычай есть, потом приходило и меньше и больше и от времени до времени убывали, осталось к концу весьма малое число» [14, л. 2 об.]. Подобные замечания встречаются и в отчете Кононова: «Слушателей ко мне собиралось с самого начала моего чтения даже до начала сентября много, и весьма многие разы бывало их столько, что в просторной аудитории, что в гимназии, где я лекции мои преподавал, едва уместиться могли. С сентября же месяца, когда наступила настоящая осенняя погода, число слушателей нарочито уменьшилось» [14, л. 3 об.].

Лекции Захарова тоже собирали любителей наук, «так что целая половина стояла» [14, л. 3 об.]. А Озерецковский писал, что у него «не было ни одной лекции, на которую б не собиралось довольно числа слушателей, иногда сходилась их более 50 человек, особенно в те дни, в которые показаны были самые натуральные вещи» [14, л. 1 об.].

Интересные замечания о своих занятиях в Академии наук оставили современники. Провинциальный помещик И. А. Второв, посещавший лекции в 1796 г., резко отозвался о «наставлениях» Озерецковского: «Мне не понравился г. Озерецковский, потому что слишком много вмешивает латыни в свои лекции, излишне повторяет и отвлекается от настоящей материи посторонними суждениями...» [26, с. 164]. А воспоминания известного журналиста Н. И. Греча (1787—1867) отличается более доброжелательный тон: «Ревностно следил я за лекциями Озерецковского, который говорил грубо, не разбирая выражений, но умно, ясно и увлекательно» [27, с. 178]. Тринадцатилетний Греч, который в 1800 г., кроме лекций по биологии, прослушал еще курсы по математике, химии и минералогии, позже писал с чувством искренней благодарности об этих занятиях, так как они способствовали «развитию моих понятий и приобретению сведений о некоторых предметах».

Публичные лекции Академии наук собирали большую аудиторию; лекции посещали, кроме столичных обывателей, учащиеся старших классов кадетских корпусов, Медико-хирургической академии, воспитанники Школы корабельной архитектуры, Главного народного училища и, конечно, академической гимназии. Летом 1786 г. в аудиториях Академии наук было много будущих учителей — студентов Петербургской учительской семинарии, которые для завершения образования приходили слушать лекции по математике, химии и биологии. К сожалению, неизвестно, какие они приобрели знания, но сообщая казенных «сапогов износили, слушая лекции, на 96 р. 25 к.» [28, л. 77].

Е. Р. Дашкова, которая приложила много сил для организации общедоступных академических лекций, наблюдая осуществление своих планов, писала: «Я часто присутствовала на лекциях и испытывала удовольствие, видя, что они полезны детям бедных русских дворян и молодым унтер-офицерам гвардии» [29, с. 149]. Увлеченная своим начинанием, княгиня передала Севергину для показа слушателям лекций большую коллекцию минералов.

Следует заметить, что публичные лекции Академии наук были не единственным мероприятием подобного рода. В Императорском Ботаническом саду при Медико-хирургическом училище лекции по естественной истории читал доктор медицины Г. Ф. Соболевский, в Главном народном училище экспериментальную

физику преподавал адъюнкт М. Е. Головин, а с 1789 г. его ученик П. И. Гиларовский [30, 31]. Весьма интересна в этом плане деятельность Сухопутного кадетского корпуса. «Стараясь быть полезным и удовлетворить любопытству любителей наук», в корпусе, например, каждый четверг открывались для показа кабинеты — физический и натуральной истории. Три раза в неделю всех желающих кадеты обучали в манеже верховой езде [32, 33]. Любителей чтения приглашали, как сообщалось в «Санктпетербургских ведомостях», в определенные дни прекрасные библиотеки Академии наук, Академии художеств, Вольного экономического общества, Шляхетского сухопутного кадетского корпуса, Учительской семинарии [33, 34]. Нельзя не упомянуть и Кунсткамеру — первый российский музей, желающих посетить который было такое великое множество, что пришлось установить четкий порядок его работы [35]. Заметное число посетителей собирали публичные лекции, организуемые Вольным экономическим обществом. Первая из них была прочитана в 1788 г. по ботанике доктором медицины Г. Ф. Соболевским. Весьма популярны были и устраивавшиеся Обществом показы моделей сельскохозяйственных машин и инструментов, способствовавших улучшению культуры земледелия [36] и т. д.

В 70-х гг. XVIII столетия подобные примеры просветительской деятельности находим и в Московском университете, где, помимо обязательных лекций, составляющих процесс обучения («сверх обыкновенного своего текущего порядка учения»), в 1772 г. профессор И. И. Рост читал два раза в неделю по два часа экспериментальную физику. «Московские ведомости» уведомляли, что «на лекции, а также к смотрению чинимых притом физических опытов, как записанные в университете, так равномерно и все посторонние всякого звания и обоюбого пола любители и рачители наук не токмо допущены будут, но чрез сие еще особливо приглашаются» [37].

Современники отмечали, что лекции профессора Роста, несмотря на трудности восприятия, охотно посещались слушателями, т. к. профессор читал на латинском языке, а один из студентов тут же переводил на русский. Затем до конца века о публичных лекциях в Московском университете не встречается никаких упоминаний. И лишь в 1803 г. «в пользу любознательной московской публики» были организованы четыре курса публичных лекций: по естественной истории, опытной физике, коммерческой науке и истории европейских государств [38, с. 38]. Первые три курса читали на русском языке, а последний на немецком.

Публичные лекции читались и в европейских академиях наук. Особое значение подобные лекции имели в Баварской академии наук и в Лондонском королевском обществе [39, с. 99, 224], но нигде они не приобрели такого масштаба и не были так регулярны, как в Петербургской академии наук.

Вторая половина XVIII в. в России богата примерами просветительских начинаний. Именно в этом ключе и следует рассматривать организацию академических публичных лекций, носивших, как и предполагалось устроителями, научно-популярный характер. И при всей значительности этого события в жизни Академии наук и Петербурга, полагаю, что все-таки нет оснований считать публичные лекции доказательством существования Академического университета в 80-х гг. XVIII в. [40]. Просветительская миссия, вызванная к жизни потребностью социально-экономических и культурных преобразований в России, была всегда присуща российским ученым. «... Единая из обязанностей академика, — утверждал Севергин, — есть собранные в науках сведения распространять в Российском государстве...» [25, с. 13]. С этой целью предпринималось чтение публичных лекций на русском языке, создание русских учебников, издание естественнонаучных журналов.

Организация общедоступных публичных лекций Петербургской академией наук способствовала распространению научных знаний и удовлетворению потребности в получении их теми, в первую очередь, кто по возрасту или по другим причинам не имел возможности посещать учебные заведения или хотел завершить свое образование. Эти лекции, проводимые лучшими учеными того времени, несли свет знаний в русское общество, были направлены на воспитание интереса к знаниям, на разъяснение целей и задач науки, на приобщение широких слоев русского общества к достижениям мировой и отечественной науки и сыграли важную роль в развитии культуры и распространении просвещения.

Список литературы

1. Летопись жизни и творчества М. В. Ломоносова. М.-Л., 1961.
2. Уставы Академии наук СССР. М., 1975.
3. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (далее — СПбФА РАН). Ф. 3. Оп. 1. № 546.
4. СПбФА РАН. Ф. 3. Оп. 9. № 290.
5. Санктпетербургские ведомости. 1776. 19 августа. № 67.
6. Санктпетербургские ведомости. 1777. 29 августа. № 69.
7. *Bernoulli J.* Reisen durch Branderburg, Rommern, Preufen. Bd. 4. Leipzig, 1780.
8. Russische Bibliothek. 1776. Bd. IV.
9. Протоколы заседаний Конференции Имп. Академии наук. Т. 3. СПб., 1899.
10. СПбФА РАН. Ф. 3. Оп. 1. № 556.
11. Российский государственный архив древних актов. Ф. 17. Оп. 1. № 35.
12. Комков Г. Д., Левишин Б. В., Семенов Л. К. Академия наук СССР. М., 1974.
13. Сухомлинов М. И. История Российской академии. Вып. 3. СПб., 1876.
14. СПбФА РАН. Ф. 3. Оп. 9. № 488.
15. Протоколы заседаний Конференции Имп. Академии наук. Т. 4. СПб., 1911.
16. Сферическая тригонометрия. Сочинения ак. Гурьева // Академические сочинения. Ч. 1. СПб., 1801.
17. СПбФА РАН. Ф. 1. Оп. 2—1785. № 4.
18. Новые ежемесячные сочинения. Ч. IX. 1787.
19. СПбФА РАН. Ф. 3. Оп. 1. № 347.
20. Раскин Н. М. Химическая лаборатория М. В. Ломоносова. М.-Л., 1962.
21. Санктпетербургские ведомости. 1795. 1 июня. № 44.
22. Санктпетербургские ведомости. 1796. 3 июня. № 45.
23. Веселовский К. С. Отношение Имп. Павла к Академии наук // Русская старина. 1898. № 4.
24. Новые ежемесячные сочинения. Ч. 73. 1792.
25. Сухомлинов М. И. История Российской академии. Вып. 4. СПб., 1878.
26. Де-Пуле М. Ф. Отец и сын // Русский вестник. 1875. № 5.
27. Греч Н. И. Записки о моей жизни. М.-Л., 1930.
28. Российский государственный исторический архив. Ф. 730. Оп. 2. № 5.
29. Дашикова Е. Р. Записки. 1743—1810. Л., 1986.
30. Санктпетербургские ведомости. 1776. 18 октября. № 84.
31. Санктпетербургские ведомости. 1789. 4 мая. № 36.
32. Санктпетербургские ведомости. 1789. 1 мая. № 35.
33. Санктпетербургские ведомости. 1789. 19 июня. № 49.
34. Санктпетербургские ведомости. 1794. 23 июня. № 50.
35. Санктпетербургские ведомости. 1776. 31 мая. № 44.
36. Санктпетербургские ведомости. 1789. 20 апреля. № 32.
37. Московские ведомости. 1772. № 59. Прибавления.
38. Летопись Московского университета. М., 1979.
39. Копелевич Ю. Х., Ожигова Е. П. Научные академии стран Западной Европы и Северной Америки. Л., 1989.
40. Марголис Ю. Д., Тишкин Г. А. Отечеству на пользу, а россиянам на славу. Из истории университетского образования в Петербурге в XVIII—начале XIX вв. Л., 1988.

В. С. КИРСАНОВ

ПЕРВЫЙ РУССКИЙ ПЕРЕВОД «КОСМОТЕОРОСА» ГЮЙГЕНСА

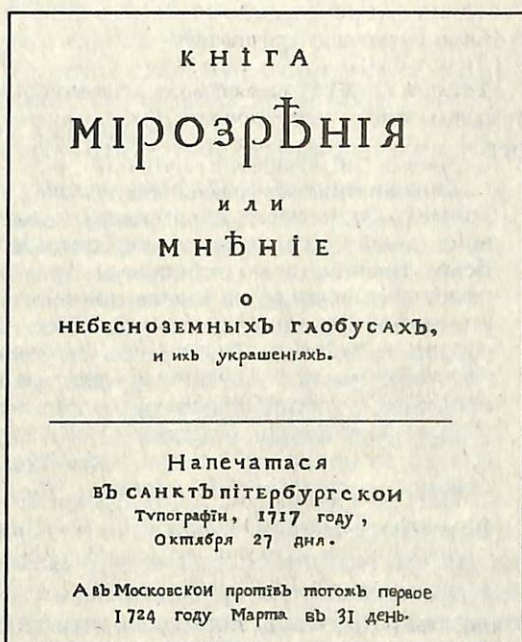
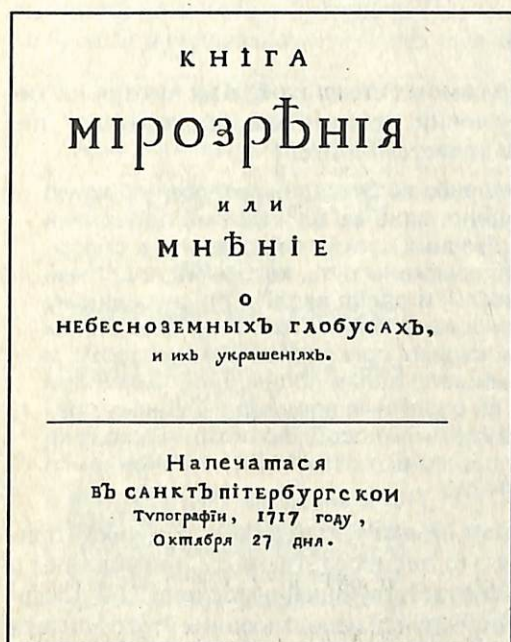
1

Хорошо известно, что «Космотеорос» Гюйгенса был переведен на многие языки. Обзор этих переводов можно найти в X, XXI и XXII томах «Полного собрания сочинений», которое выходило в течение десятилетий в первой половине нашего столетия в Гааге [1]. Русский перевод в этом престижном издании не упомянут вовсе, хотя он появился уже в 1717 г. По-видимому, этот факт мало известен на Западе, хотя и в самой России ряд существенных подробностей до сей поры остается невыясненным.

Вкратце история такова. Перед тем как уехать в длительный заграничный вояж, Петр Великий приказал сделать перевод и напечатать «Космотеорос» Гюйгенса «полным выпуском», т. е. 1200 экземпляров. Царь пробыл за границей около двух лет, а когда он вернулся, оказалось, что опубликовано всего несколько экземпляров. Какова была реакция Петра на такое неподчинение, неизвестно, однако спустя семь лет книга была-таки должным образом опубликована, но уже не в Санкт-Петербурге, а в Москве, причем теперь с количеством все было в порядке.

В течение многих лет историки безуспешно пытались обнаружить экземпляр первого издания. Известный советский историк науки, профессор Б. Е. Райков, например, писал по этому поводу:

Первое издание этой книги, 1717 г., ненаходимо. Мы знаем о его существовании лишь вследствие указания на него во втором (московском) издании 1724 г. Я тщетно искал первое (петербургское) издание в наших главных книгохранилищах [2, с. 167].

Титульные листы Санкт-Петербургского (1717) и Московского (1724) изданий
(Центральный Архив древних актов)